

ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье анализируются бытовые, административные, экономические и военно-политические аспекты проблемы коллаборационизма. Опираясь на концепцию М.И. Семиряги, автор показывает, что коллаборационизм есть средство борьбы между различными социальными и национальными группами, которая опирается на помощь оккупантов. При этом выбор национальной идентичности в условиях войны обусловлен утилитарными соображениями.

Ключевые слова: коллаборационизм, оккупация, Великая Отечественная война, национальная идентичность.

Фрагмент походной библиотеки

Пятнадцать лет назад М.И. Семиряга показал, что число коллаборантов (тех, кто сотрудничал с властью нацистской Германии) во время Второй мировой войны в странах Европы примерно равнялось числу участников Сопrotивления. На протяжении войны в этих странах культивировался бытовой, административный, экономический и военно-политический коллаборационизм¹. Главным основанием коллаборационизма является степень справедливости общественного строя, существовавшего до оккупации в конкретных странах. «Ликвидировать коллаборационизм или, по крайней мере, свести его к минимуму, — пишет Семиряга, — можно лишь при условии, если воин будет считать общественный строй в своей стране справедливым, а его защиту рассматривать как свой первостепенный долг. Это первое условие для устранения коллаборационизма целиком зависит от господствующих политических сил в данной стране» [Семиряга 2000: 10].

М.И. Семиряга даёт в целом положительную оценку первых трех видов коллаборационизма, а по поводу военно-политического коллаборационизма сообщает показательный факт:

¹ Бытовой коллаборационизм — это танцы, вечеринки, просмотр кинофильмов вместе с солдатами противника. Административный — это деятельность местных органов власти, созданных оккупантами. На оккупированных территориях нередко выбирали старостами или полицаями наиболее честных людей, которые защищали интересы населения перед оккупантами. Экономический — это создание частных мелких предприятий, которые обслуживали нужды населения. Их владельцы не были коллаборантами, поскольку Сталин уже в первые дни войны издал приказ об уничтожении всех материальных ценностей при отступлении Красной армии. Этот приказ игнорировал интересы покинутого населения, был неуместен и невыполним. Военно-политический коллаборационизм — это осознанное и добровольное сотрудничество с врагом в ущерб родине (шпионаж, диверсии, служба в вооружённых силах противника).

по абсолютной и относительной численности коллаборантов СССР остаётся чемпионом Европы. Значит, предпосылки коллаборационизма складывались внутри, а не вне советского государства.

Возникает вопрос: если абсолютное и относительное число коллаборантов в СССР превышало показатели остальных европейских стран, то не следует ли отсюда, что советский общественный строй был самым несправедливым в Европе XX века? Для ответа требуется сопоставление накопленного эмпирического материала о поведении и мышлении жителей оккупированных территорий СССР (вплоть до судеб отдельных индивидов) с современной теорией справедливости², которая требует уточнения в соответствии с подходами к анализу общей проблемы коллаборационизма. В любом случае этот феномен может рассматриваться как элемент бытового, административного, экономического и военно-политического контекста, в котором находились жители оккупированных территорий СССР.

Сформулированный вопрос и посылка не являются чисто теоретическими, а опираются на биографический багаж. Всё моё детство прошло под аккомпанемент постоянных рассказов родителей о перипетиях их эвакуации перед наступлением немцев, связанной с этим неразберихой и жизни населения во время войны. Из этих рассказов я уже в ранней юности извлёк вывод: советское руководство в критических обстоятельствах первых месяцев и лет войны обнаружило трусость (первыми бежало) и потому заслуживает презрения; но те, кто оставался жить при немцах, тоже не могут быть примером для подражания. Книга М.И. Семиряги способствовала соединению этого вывода с теоретическим интересом к анализу коллаборационизма.

В детстве и юности я прочёл уйму литературы о партизанском сопротивлении немцам. В этих книгах проблема освещалась по шаблону советской пропаганды, реализованной в кинофильмах «Секретарь райкома», «Радуга», «Молодая гвардия», которые я не раз смотрел в детстве. Шаблон был прост: в оккупации люди страдали, умирали, тайком слушали радиосводки Совинформбюро, клеили листовки, убивали немцев и полицаяв, уходили в партизаны, взрывали поезда и ждали Красную армию. Но мой отец после войны работал дежурным по железнодорожной станции, начальником которой был Герой Советского Союза, который получил это звание за участие в партизанском сопротивлении. Этот субъект развёл в коллективе взяточничество, кумовство и подлость. Отец пытался с ним бороться, но ничего не вышло. Данный факт постепенно привёл меня к мысли: участие в партизанском движении ещё ничего не говорит о мере честности и порядочности конкретного человека. Поэтому к двадцатилетнему возрасту я охладел к шаблону, особенно после чтения повестей В. Быкова — одного из моих любимых писателей. Он ставил проблему со всей допустимой в советское время степенью правды. Его сочинения до сих пор не потеряли исторической, художественной и политической ценности. Но после изучения книги Семиряги в состав моей походной библиотеки³ вошёл блок исторической литературы об оккупации, коллаборационизме и партизанском движении во время войны [Соколов 2002; Ковалёв 2004; Александров 2005; Шеров 2006]. На протяжении последних двадцати лет в этой литературе происходит радикальное переосмысление шаблонов изображения всей истории СССР, включая войну и оккупацию.

Контекст переосмысления разнообразен и в основном зависит от воспроизводства сталинской традиции превращения войны в способ легитимизации власти. Эта традиция подхвачена наследниками Сталина и до сих пор существует в литературе, искусстве и различных псевдоисторических штудиях⁴. Поэтому я согласен с Ю.С. Пивоваровым в его классифика-

² Укажу здесь лишь две позиции [Ролз 1995; Болтански, Тевено 2013].

³ Под походной библиотекой я имею в виду наборы книг на определённые темы, которые меня интересуют сегодня и могут стать объектом исследования в будущем. «Поход» в данном случае означает постоянное движение в интеллектуальном, духовном и исследовательском пространстве, а не физическом.

ции всей истории советской власти на Коммунистический режим-1 (возникший после Октябрьской революции) и Коммунистический режим-2 (сложившийся в результате победы СССР над гитлеровской Германией) [Пивоваров 2014]. Для дальнейшей аргументации в пользу такого подхода приведу здесь пару свидетельств о фактах и одну историографическую констатацию.

Свидетельства о фактах такие.

Накануне победы над Третьим рейхом, 22 апреля 1945 года, дочь Ильи Эренбурга, Ирина Ильинична Эренбург, записала в своем дневнике: «А вообще мир сходит с ума, идёт делёж, вылезло всё дерьмо». Спустя десяток дней после победы она заметила: «Все, кто едет на Запад, навозят уйму барахла. Век крови, смешанной с барахлом» [Эренбург 2011: 311–317].

А.И. Солженицын в середине 1950-х гг. написал: «Вернувшись с войны, Щагов, как и многие фронтовики, не узнал той страны, которую четыре года защищал: в ней рассеялись последние клубы розового тумана равенства, сохранённого памятью молодёжи. Страна стала ожесточена, совершенно бессовестна, с пропастями между между хилой нищетой и нахально жиреющим богатством» [Солженицын 2015: 405].

Констатация состоит в квалификации войны как советско-нацистской, а не Отечественной: «Немало было людей, воспринявших войну с надеждой на освобождение от социально-экономической несвободы, религиозных гонений и колхозного рабства. За двадцать лет нищеты и репрессий большевики надломили моральные устои русской жизни, уничтожив ее духовные основания, растлили народ, приучив его к цинизму, лжи, эгоизму и доношительству. Сотрудничество с врагом не воспринималось как зло: если советская власть учила 20 лет предавать, то ради освобождения от нее следовало предать саму советскую власть... Кровавый тиран (Сталин. — В.М.) объявил начавшуюся войну „Отечественной“, вновь, как и в законе 1936 г., желая соединить свой преступный режим с обесчещенной им родиной» [История России... 2009: 41–43].

В этом контексте содержится переоценка сопротивления: «Партизанское движение, безжалостное, в первую очередь, по отношению к самим его участникам и брошенному в оккупации советской властью населению, оказалось ещё одним проявлением бесчеловечности гитлеровского и сталинского режимов» [Там же: 96].

Итак, война способствовала культивированию безнравственности в советском обществе, которая накапливалась в Советской России и СССР после 1917 г. Как эти качества времени и людей проявились при жизни в оккупации? — так можно конкретизировать проблему справедливости советского политического строя как предпосылки всех видов коллаборационизма.

Для ответа систематизирую материал одного из сборников. Его составитель фиксирует следствие советской пропаганды: «В результате о жизни населения под немцами и их союзниками мы знали только то, что власть разрешала знать» [Александров 2011: 9]. Стало быть, речь идёт о формировании корпуса прежде запрещённого знания и концентрации дискуссий вокруг его обсуждения. Этот корпус базируется на воспоминаниях, документах и свидетельствах тех людей, кто со времени гражданской войны косвенно или прямо сопротивлялся советской власти, жил в оккупации, служил немцам, убежал вместе с ними за рубеж, попал после войны в сталинские лагеря, отсидел свои сроки, выжил и написал воспоминания, оставшись непокорённым.

Сборник состоит из семи глав. В них содержатся материалы о жизни населения в оккупации в Белоруссии, Киеве, Одессе, северо-западных областях СССР, на Северном Кавказе, в

⁴ Показательным примером может быть писанина В.Р. Мединского. Укажу здесь один опус [Мединский 2014].

Локотском самоуправляющемся округе и жизни в Третьем Рейхе тех русских, кто добровольно уехал в Германию и жил там во время войны. Данные материалы примыкают к корпусу литературы на тему коллаборационизма [Одесса... 2013]. Проанализировав ее, О.В. Будницкий фиксирует важнейшее обстоятельство для исследователей советского общества: «Опыт жизни в ситуации, когда советская власть исчезла, показал, к чему на самом деле стремились и чего хотели советские люди. Во всяком случае, многие из них. Этот опыт показал, как они повели бы себя, если бы оказались в значительной степени предоставлены сами себе... Как показала оккупация, «советскость» многих из них была внешней, и при первой возможности была отброшена» [Будницкий 2013: 21–22]. Будницкий цитирует типичное высказывание советских жителей в первый день войны: «Нужно смотреть прямо правде в глаза: мы все, вся Россия страстно желаем победы врагу, какой бы он там ни был. Этот проклятый строй украл у нас всё, в том числе и чувство патриотизма» [Там же: 36].

Вместе с тем он отмечает две особенности воспоминаний об оккупации: коллаборационистам в целом свойственно задним числом говорить о распространённости настроений и действий, им свойственных и ими совершенных; о действительной степени распространённости таких настроений и мотивов в начальный период войны «...можно будет составить более объективное представление, когда исследователям станут доступны материалы архивов советских спецслужб и Главного политического управления Красной армии за этот период» [Там же: 37]. Для движения в этом направлении я предлагаю реконструкцию общих характеристик поведения и мышления коллаборантов.

Разрушение городов и фазы оккупации

По приказу Сталина перед приходом немцев все продовольственные запасы уничтожались, а главные учреждения и производственные мощности взрывались. Во всех этих действиях не было военного смысла. Это был варварский акт бессильной власти по отношению к оставшемуся мирному населению⁵. Киев, Минск, Днепропетровск, Смоленск, Псков, Брянск, Курск, Орел, Новгород и десятки других городов были полностью или частично разрушены советскими войсками, минами или артиллерией. Впоследствии эти преступления советской власти против своего народа были приписаны немцам, тоже разрушившим много, но гораздо позже и совсем не то, что им приписывают. «Вина немцев перед нашим народом велика, но это совсем не является основанием сваливать на их плечи все преступления, совершенные по отношению к нашему народу самой советской властью. Это счёт особый, и рано или поздно народ этот счёт предъявит, и советской власти придётся по этому счёту заплатить» [Под немцами... 2011: 266].

Счёт до сих пор не предъявлен. Но поток литературы на тему таких преступлений растёт с каждым годом и выпущенной книгой.

Оккупация территорий СССР длилась от трёх лет (западные районы СССР) до нескольких месяцев (Северный Кавказ). В этом периоде времени можно выделить несколько фаз и связанных с ними настроений населения. Но прежде чем их описывать, отмечу факт фронто-

⁵ Например, в Полоцке перед приходом немцев чекисты взорвали комбинат НКВД. Раскопки открыли для обозрения специфику советского правосудия: бассейн для холодной воды, при помощи которого при длительных допросах заключённого по несколько раз подряд топили и откачивали; камеры, в которых поджаривали или подмораживали людей, заставляя их отдать спрятанное золото; операционную, где над людьми с целью пытки производились «хирургические» операции. Оставшиеся в живых после допросов рассказали, что эти «операции» производились под наблюдением женщины, которая исчезла из города в первые дни после прихода немцев [Там же: 95]. После сдачи Днепропетровска советская артиллерия, отойдя за Днепр, 35 дней обстреливала город и разрушила всю его центральную часть. Все это время немцы в город не входили, и под советским огнём гибло исключительно местное мирное население, советские граждане.

вого братания на почве пьянства солдат Красной армии и Вермахта. При отступлении советские войска разбили водочный завод в Вайзенберге (Эстония) и начали пьянствовать. Ворвавшиеся на завод немцы приняли в этом участие. Война была забыта. Наутро территория завода была усеяна спавшими вперемешку немцами и русскими. Полевые жандармы отыскивали русских солдат и забирали их в плен [Там же: 384]. О таком факте я узнал впервые в этой книге. Был ли он единственным или можно найти аналоги? Ответа не знаю, может, читатели подскажут...

Теперь о темпоральной классификации. В Западной Белоруссии выделяются подготовительный период, первая и вторая фаза оккупации. До 1939 г. Западная Белоруссия была оккупирована Польшей. Поэтому большинство белорусов радостно встретили в сентябре 1939 г. Красную армию. Однако «...вместе с освобождающей от поляков Красной армией пришло освобождающее от всего, вплоть до самой жизни, советское НКВД» [Там же: 14]. Начались аресты и вывоз в Сибирь буржуев, капиталистов, кулаков, подкулачников, середняков и даже сторонников Советского Союза. Поэтому население ждало немцев. Иначе говоря, советская оккупация Западной Белоруссии стала подготовительным периодом нацистской оккупации⁶.

Первая фаза нацистской оккупации длилась два месяца. Вермахт нуждался в людях, знающих местные условия. У поляков был готовый административный и полицейский аппарат. Поэтому они пошли служить немцам и начали сводить счёты с прежними врагами. Расстреливали людей за мнимую принадлежность к коммунистическому подполью. В первые два месяца погибли сотни белорусских интеллигентов и тысячи деревенских активистов.

Спустя два месяца на родину вернулись те белорусы, кто ушёл на Запад после гражданской войны в Советской России. Они разъяснили немцам истинное положение вещей. Польская администрация и полиция были заменены белорусами, которые начали ответную расправу с поляками.

Стало быть, коллаборанты (в данном случае представители польской и белорусской нации) использовали свою службу немецким оккупантам для расправы с мнимыми или действительными противниками из числа представителей другой нации. В этом смысле коллаборационизм можно рассматривать как средство борьбы между двумя нациями, осуществляемой с помощью армии оккупантов третьего государства⁷.

На второй фазе оккупации власть принадлежала германской армии и длилась три месяца. В это время Вермахт отпускал военнопленных красноармейцев по домам. Они пристраивались по деревням в виде «зятьёв» или рабочих, были довольны тем, что их уже никто не заставляет воевать за Советы. Но вдруг некий немецкий сумасброд (автор воспоминаний не называет имени) решил, что военнопленные могут быть опасны для немцев. Были созданы лагеря для военнопленных. Забрать удалось немногих, остальные ушли в леса, где их ждали не успевшие эвакуироваться советские партийные работники. Так было положено начало партизанщине. «Надо объективно констатировать, — партизанщину в Белоруссии создали не большевики и не НКВД, а только и исключительно немцы» [Там же: 21].

Это правило характерно и для Украины. Настоящая партизанская война была вызвана не патриотизмом в отношении советской власти, а политикой немецких гражданских властей в тылу. В этом кардинальное отличие советско-германской войны от партизанской войны 1812 г. против армии Наполеона. «Пока население ненавидело немцев меньше, чем советскую власть, и пока немцы не вынудили своими мерами часть его уйти в леса, никакой парти-

⁶ Такой подход реализован в книге [Piasecki 2003].

⁷ Существуют целые книжные серии («Война и мы», «Война и они» и пр.), которые выполняют преимущественно пропагандистскую функцию воспроизводства советского шаблона подмена памяти о войне памятью о победе, но могут быть использованы и для уточнения этого тезиса.

занской войны не было, а была лишь диверсионная деятельность переброшенных через фронт советских отрядов» [Там же: 290].

В конце 1941 – начале 1942 гг. в Белоруссии пошли в ход «украинцы». Их наплодилось столько, что вскоре стало ясно, что в Белоруссии не останется ни одного белоруса⁸. По этой причине в Белоруссии возникло ироническое выражение «пойти в украинцы». Иначе говоря, утилитарные соображения при выборе принадлежности к нации надо использовать для уточнения понятия национальной идентичности в критических обстоятельствах войны и других политических конфликтов.

Германская армия была заинтересована в сохранении спокойствия тыла. Поэтому в занятых ею районах создавалась обстановка относительной свободы населения, при которой проявилось стремление народа к устройению начальных форм общежития. В городах военные коменданты назначали лиц из русского населения для поддержания порядка. В сёлах население предоставлялось собственной инициативе.

В первый год оккупации население (включая евреев) не боялось немцев и приветствовало их приход. Ненависть к советской власти пересиливала все другие чувства и соображения. В центре экономических интересов народа была земля и свободная торговля. Все были убеждены, что колхозы будут ликвидированы, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России: «Немцев в то время почти никто ещё не рассматривал как врагов: очевидными для всех врагами были только Сталин, партийцы и комсомольцы, которые сожгли город. Но немцы не оправдали ни одной заветной мечты, ни одной законной надежды населения» [Там же: 47–48].

Сразу по приходу немцы издали распоряжение, согласно которому все бывшие советские служащие и рабочие должны были вернуться на прежнюю работу. Поэтому верхушка местной организации ВКП(б) оказалась снова у власти. Ортскомендант официально заявил: политические убеждения — личное дело каждого, а заявления о бывшей принадлежности служащих к компартии рассматриваться не будут. А в частном разговоре сказал: «Нам нужны люди, имеющие опыт управления народными массами. В России такими людьми являются сейчас только коммунисты. Мы знаем, что это беспринципный элемент: им все равно кому служить: служили Сталину, будут служить и нам».

Короче говоря, ситуация первых недель и месяцев войны показывает, что представители советского партийно-государственного и чекистского аппарата первыми бежали от немцев и первыми пошли служить немцам. Эта ситуация воспроизводилась от Западной Белоруссии до Ставрополя⁹. Должности в административном аппарате, полиции и гестапо были заполнены бывшими членами компартии, сотрудниками НКВД и их жёнами, о чем можно было узнать даже визуально¹⁰. При немцах управление в значительной части находилось в руках

⁸ «В Полоцке слово „украинец“ быстро стало нарицательным и обозначало человека, пользующегося незаслуженными привилегиями. Украинцам — доверие, украинцам — особый паек, только украинцев принимают на всевозможные вспомогательные должности при немецких военных и гражданских учреждениях: украинцы десятники, надсмотрщики и погонщики. Спрос, как известно, родит предложение, а люди советской жизненной школы зевать не любят» [Под немцами 2011: 50–51].

⁹ Например, главные силы Вермахта появились в Ставрополе неожиданно. Бюро Ставропольского крайкома прервало свое заседание, когда по городу уже неслись немецкие танки. Госпитали остались не эвакуированы. Город достался немцам целым. Наиболее предусмотрительным оказался НКВД: ещё за неделю до событий по дороге на Старомарьевку брели этапы в сопровождении охраны и овчарок. Часть самых отъявленных «врагов народа» успели расстрелять и их тела бросить в известковые ямы. Сотрудники НКВД при первой же тревоге сбежали в далёкие от фронта места. Никому из них и в голову не пришло предупредить своих земляков покинуть город. Этот факт был предательством по отношению к своему народу [Там же: 431, 436].

¹⁰ «НКВД действительно больше нет, но сотрудники НКВД остались и работают в полиции и в Гестапо по-прежнему. Горсовета тоже нет; но в городской управе работают те же сотрудники горсовета и другие бывшие коммунисты. Люди, подвергавшиеся преследованиям при большевиках, подвергаются им и сейчас. Админи-

большевиков, которые по-прежнему терроризировали население. В немецких лагерях для военнопленных царил красный террор. Там распоряжалась лагерная полиция, которая состояла из бывших политруков Красной армии.

На третьей фазе оккупации возникло тождество между гражданской немецкой властью и НКВД. Поэтому заявления немцев, что они борются против большевистского самоуправления и за восстановление человеческих прав не имеет оснований. Придя в СССР с лозунгами борьбы против советской власти и ее экономического режима, немцы скоро увидели, что советская власть создала за ряд лет идеальную систему для ограбления населения и выкачивания из него всего, что было ей нужно. Все население городов было возвращено к прежнему советскому состоянию — превращено в бесправную наёмную рабочую силу. «Своей политической они создали себе врагов из всех народов Европы, но только у нас они превратили в своих врагов народ, встречавший их как друзей и возлагавший на них все свои надежды» [Там же: 303].

Четвёртая фаза — это период перед приходом Красной армии и возвращением советской власти. В это время немцы потеряли интерес к русским делам. «По всему было видно, что жадная душа колонизатора покидает ещё двигающееся, но уже холодеющее тело оккупации» [Там же: 105]. Но даже тогда проводился митинг населения, на котором была конституирована Национал-социалистическая трудовая партия России. Караул несли крестьянские отряды самообороны. Люди вступали в партию в 40–60-ти км от надвигающегося фронта, накануне страшной развязки и при запугивании со стороны советской агентуры.

Эти тенденции подытожил православный священник, по определению которого немецкая оккупация началась с «призвания коммунистов на царство». После этого начались репрессии в отношении евреев. Немцы не разрешили крестьянам поделить землю и сохранили колхозы. Отказались допустить участие русского народа в освобождении страны от большевиков. Начали уничтожать пленных. Ввели публичные казни и телесные наказания: «Хотя приход коммунистов к власти был актом чисто пассивным, отсюда не следует, что они не захотят или не смогут дальше организовываться по своему обычному партийному принципу, а будут покорно служить немцам не за страх, а за совесть... Это имело важные последствия для немцев, самих партийцев и многострадального русского гражданского населения» [Там же: 49].

Взаимоотношение между немцами и населением на протяжении этих фаз менялось. В первый период оккупации оно было дружеским, особенно на Украине, в Крыму, на Дону и Кубани. Немцы вели себя цивилизованно. Например, немецкого солдата расстреляли по постановлению военного суда после насилия над девушкой. Русские женщины добровольно сожительствовали с оккупантами. При этом значительный процент сожительства приходился на женщин, связанных с партизанами и советской разведкой. Немцы не считали женщин

стративно высланные ранее принуждены скрываться и прятаться до сих пор, ибо городские коммунисты, занимающие лучшие административные посты в русских учреждениях, боятся разоблачений; горе тому лицу, которое может им показаться в этом отношении подозрительным. Люди, освобождённые немцами из советских тюрем, — боятся прописываться в городе; вернувшиеся из ссылок — не идут за получением продовольственных карточек... Сходите на базарную площадь, — посоветовал в заключение нам собеседник, — полюбуйтесь на повешенного. Вот уже несколько недель болтается он на перекладине с доской на шее. На доске надпись: „Советский шпион и бандит“. А его знает весь город: убеждённый противник советской власти, много лет подвергавшийся преследованиям НКВД, не имеющий даже права проживания в родном городе. Уже при немцах вернулся он домой и вздумал протестовать против коммунистического засилья. В результате — арест, зверское избивание в так называемой русской полиции резиновыми палками и бессмысленное обвинение в шпионаже» [Там же: 43]. «При входе в это банк стоял энкаведист в полной форме. Высшие чины НКВД в СССР резко отличались по костюму от всех прочих граждан: они носили так называемую „бекешь“, совершенно особого покроя пальто-шинель с поясом и меховым воротником. Бекеша была символом работы в НКВД: ее нельзя было ни покупать, ни носить обыкновенным смертным. Человек в бекеше оказался начальником банка» [Там же: 45].

способными на шпионаж. Зная эту слабость немцев, большевики засылали девиц, прошедших спецшколу разведки НКВД. Для русского гражданского населения самой опасной была любовница-разведчица, которая за спиной покровителя-немца занималась провокацией¹¹.

Зависимость русских учреждений от немецких военных частей колебалась под влиянием личных отношений между русской и немецкой администрацией. «В каждом русском коммунисте, если, конечно, не говорить об отдельных фанатиках или просто глубоко преступных натурах, собственник и хозяин сидит также глубоко, как и во всяком другом нормальном человеке» [Там же: 54]. Личные отношения между представителями местной власти и оккупантами зависели от взяток и подарков по формуле: чем больше подарков даёт русский начальник начальнику немецкому, тем меньше начальник немецкий интересуется делами русского начальника; чем больше получает немецкий начальник лично для себя от подчинённого ему русского начальника, тем меньше получает через них обоих Германия и германская армия. Немцы в массе оказались взяточниками.

На этой почве сложилась взаимозависимость между русскими и немецкими учреждениями. Она зависела от целей конкретных лиц: личная выгода; успех политической доктрины; благо ближнего во имя справедливости. На практике эти цели переплелись. «В качестве равнодействующей получается сложное явление, зачастую очень трудное для расшифровки и понимания» [Там же: 57].

В целях расшифровки важно учитывать детали оккупации: положение местной промышленности, продовольствия, образования, медицины и церкви. В оккупации никто не голодал. В образовании и медицине дела шли плохо. В больницах работали беженцы и военнопленные, которые в контакте с коммунистами и полицией уничтожали нежелательные элементы населения. Люди боялись ложиться в больницу.

В число деталей входят специфические показатели благополучия жизни при оккупантах. Например, на Украине осенью и зимой 1941 г. деревня имела мирный и цветущий вид как никогда при советской власти. Показателем благополучия крестьян в этот период было число празднеств и гостеприимство в отношении освобождённых пленных и горожан, хотя за годы советской власти крестьяне научились смотреть на город, как на врага, который тянет из села продукты и ничего не даёт взамен. Такого изобилия продуктов у крестьян никогда не было. Из хлеба гнали самогон. Крестьяне говорили, что за одну зиму они выгнали больше самогона, чем за все годы советской власти. «После революции это был самый точный показатель продовольственного благополучия на селе. Немцы сначала удивлялись, как русские могут пить такую гадость, но очень скоро привыкли и уничтожали его в неменьших количествах, чем русские. Самогон и семечки быстро вошли в обиход» [Там же: 291].

В оккупации возникло множество мелких базаров. Среди продавцов и покупателей всегда были немецкие солдаты и их союзники — венгры, румыны, словаки, итальянцы. Союзники (особенно венгры и итальянцы) продавали все: от спичек, папирос и граммофонных пластинок до вооружения и амуниции. Они проявляли на базарах значительно большую активность и проводили на них больше времени, чем на фронте [Там же: 288]¹².

Терские и кубанские казаки, горцы, ставропольские хлеборобы изнемогали под гнётом колхозного строя. Поэтому в массе были рады приходу немцев. Казаки охотно шли в полицейские отряды. Партизанское движение насаждалось искусственно. Отряды состояли из работников НКВД, милиционеров, сотрудников райкомов партии, прокуратуры и быстро распа-

¹¹ «Зловредное, тонко инспирированное влияние такой женщины было несравненно труднее преодолеть, чем немецкий эгоцентризм и бездарные национал-социалистические правила и приказы. Сколько хороших людей погубили такие женщины, сколько антибольшевистски настроенных деревень было сожжено их усилиями!» [Там же: 54].

¹² Роль стран-сателлитов Германии в войне против СССР рассмотрена в сборнике [Крестовый поход... 2005].

дались. Но с голов коммунистов за всю оккупацию не упал ни один волос. Крестьяне Ставрополя в оккупацию жирно ели, много пили самогона, предаваясь размышлениям о будущем. А затем собирали обозы и по льду Азовского моря пробирались на Таганрог [Там же: 445].

В один из сентябрьских дней 1942 г. (т. е. при оккупации) в Ставрополе появилось множество съехавшихся со всего Северного Кавказа казаков в черкесках, бурках с башлыками. Это были делегаты казаков Кубани. Их созвало германское командование для обсуждения нового аграрного закона. Совещание ставило своей целью провести осеннюю посевную кампанию. Все эти планы остались на бумаге. По иронии собирать урожай снова пришлось летом 1943 г. прежнему корпусу секретарей райкомов, директоров совхозов и председателей колхозов [Там же: 440]. Немцы поддерживали казачье движение.

Государственное строительство при оккупации

В сборнике помещена рукопись неизвестного автора «Общественный инстинкт и попытка государственного строительства в условиях немецкой оккупации западных областей России». Этот материал позволяет углубить знание о политическом поведении и мышлении оккупированного населения.

Автор рукописи считает, что первые годы войны с Германией могут служить критерием для суждения о государственном инстинкте населения России. По его мнению, ради предвидения будущего надо изучать душевный мир, комплекс мировоззрений России. Важнейшим вопросом является государственный инстинкт народов России. Как представляют себе русские свое государство, к какому государству стремятся, какие формы государственного бытия для них наиболее привлекательны? Ответ автор находит в первых годах войны с Германией. Именно тогда проявился в чистом виде русский политический и национальный инстинкт, который действовал в условиях полного отсутствия политической и общественной организации. Аргументы автора опираются на наблюдение за поведением большинства населения при немцах.

Прежде всего он фиксирует взгляды населения на имущественное право государства. С первого дня прихода немцев в населении заговорил инстинкт возвращения имущества, отнятого у них государством. На западе СССР советское правительство концентрировало огромные запасы военного снабжения. Население во все предвоенные годы испытывало большие продовольственные затруднения. Магазины были пустые. Достать кило сахара или мяса считалось счастьем. Когда немцы заняли города, в которых оставались продовольственные базы армии, население ринулось туда и открыло запасы, обилие и разнообразие которых поразило изголодавшихся. Законом поведения населения стал лозунг Ленина «Грабь награбленное». Большинство народа осознало, что сталинское государство существует за счёт грабежа народа, и свое право вернуть себе награбленное государством. Понятие «государственная собственность» в сознании населения перевоплотилось в понятие «награбленная государством собственность», которая должна вернуться к народу. В первые дни оккупации население реализовало в грабеже свой инстинкт и взгляд на имущественное право сталинского государства и отняло то, что было отнято им у народа [Там же: 141–143]¹³.

«Ограбление военных запасов и магазинов государственной торговли было первым стихийным проявлением чувства свободы, охватившего население. В этом ограблении неправильно было бы усматривать только низменный инстинкт, который не раз проявлялся и до

¹³ В книге приводятся данные о городах Пуховичи и Бобруйск, в которых были базы продовольственного снабжения Красной армии. Население приветствовало немцев. Ограбление складов было его первой чисто русской реакцией на уход советских войск. В грабеже приняли участие и отступающие войска советской армии: пока население грабило магазины, красноармейцы грабили население.

этого; правильнее будет сказать, что этот низкий инстинкт на этот раз сочетался с чувством большой вражды к советской власти, которая держала население без сахара и без необходимого снабжения вообще и в то же время создавала большие запасы продовольствия для войны. Больше того, эту полосу грабежей надо рассматривать как способ сведения народом старых счетов, как своеобразный имущественный спор народа и государства, возникший в единственно возможной тогда обстановке и в единственно возможном виде» [Там же: 145].

В книге описано возникновение администрации в городах. У немцев был институт военных комендантов, который начинал действовать, едва немецкая армия выходила из пределов Германии и занимала чужие территории. Кадры военных комендантов пополнялись офицерами, не пригодными по возрасту к строевой или штабной службе. В занятых областях России все военные коменданты были пожилыми бывшими офицерами кайзеровской армии, сохранившими ее традиции и почти не воспринявшими идеологию нацизма. Они видели свою задачу в том, чтобы сохранить спокойствие в занятых областях, обеспечить расквартирование и снабжение армии, и выполнение населением приказов военного командования. Дальше этого военные коменданты не шли. В гражданском управлении они давали свободу действий населению. Одни не вмешивались в дела местного населения, другие вмешивались по собственной инициативе, а не по приказам, третьи действовали военными методами и пытались сами наметить вид и форму гражданской администрации и подобрать для нее людей. Поэтому администрация была *нестрой*¹⁴.

Различные методы формирования русской администрации автор рукописи использует для вывода: население инстинктивно стремилось к созданию демократических органов власти. Эта тенденция проявилась в условиях оккупации армией тоталитарно-фашистского государства. Значит, при благоприятных условиях инстинктивное влечение русского народа в сторону демократии могло бы стать решающим.

Демократическая тенденция переплеталась с социалистической. Доказательством служат следующие факты и тенденции.

В дореволюционной России не было бесплатного медицинского обслуживания населения. Большевики его ввели. Ненавидя большевизм, население не мыслило вернуться к дореволюционной системе медицинского обслуживания населения. Ни разу даже не ставился вопрос о платном лечении. Хотя отдельные врачи желали покинуть больницы и открыть частную практику, против этого восставало все население. Население стремилось также сохранить систему всеобщего бесплатного обучения. Ради этого городские управы повышали налоги с населения. В условиях оккупации население считало себя хозяином города. Поэтому коммунальные предприятия, бани, мастерские и даже заводы забирались в руки городских управ и рассматривались как их собственность. Когда немцы наложили руки на это имущество, население посчитало это грабежом.

Поиски новых форм администрации — это в миниатюре поиски нового государственного строя. За немногими исключениями они велись в направлении демократии и говорят об инстинктивном стремлении народа к созданию демократического правопорядка [Там же: 145–151].

Не менее показателен процесс возникновения администрации в сёлах. На протяжении войны во многих сёлах не видели ни одного немецкого солдата. Автор считает, что государ-

¹⁴ В книге приводятся данные по городам Гомель (комендант предложил восстановить структуру управления, существовавшую при Советах), Мглин (был создан Народный совет города, чтобы подчеркнуть его отличие от антинародного совета большевиков), Осиповичи (был назначен бургомистр и выборщики от каждой улицы, которые избрали городского голову и десять уполномоченных по участкам работы городского управления), Рогачев (все городское управление было назначено комендантом города по собственному вкусу). Поэтому Рогачев прославился враждебной деятельностью в отношении населения.

ственная самостоятельность крестьян была больше, чем горожан. Государственное творчество крестьян в условиях оккупации сводилось к трем видам:

1. Разрушение советского уклада и попытки создать новый уклад имело место там, где находилась организованная сила и идея нового уклада. Если она была отрицательной, начинался процесс создания нового зла на развалинах старого зла¹⁵.

2. Изменение в деталях и наполнение новым содержанием прежнего государственного уклада возникало там, где не было кадров для решения проблемы управления (обычно в глухих местах, откуда уходила верхушка советской администрации, аппарат оставался, а немцы не интересовались этим местом). По этой причине под новым названием сохранялись советские формы государственной власти.

3. Сохранение существующего уклада с точки зрения его отношения к населению. Советский строй был внешне демократичен, а по сути не зависим от населения: «Это законченная форма разрыва власти с народом, хотя и прикрытая демократическими покрывалами, прозрачность которых общеизвестна» [Там же: 161]. Поэтому суть советского строя могла быть сохранена в недрах немецкой оккупации. Это объясняется сходством нацизма и большевизма в управлении массами.

В ряде районов Белоруссии старая власть была разрушена и возник новый строй, приспособленный для военных нужд Германии. Он почти буквально повторял советскую власть: возникли управления уполномоченных по заготовкам для немецкой армии; они стали облагать население налогом в виде продразвёрстки; на село накладывалась обязанность поставить определённое количество продовольствия; нормы были советскими. Налог на село при немцах равнялся налогу на колхоз при Сталине. Партийные секретари были глазом и аппаратом Сталина. Бургомистры становились представителями немцев. В книге приведены примеры тождества советских и немецких учебников, лозунгов и раболепства. В оккупированных областях были разрушены формы старой государственности при одновременном сохранении ее диктаторского существа.

Выводы автора однозначны. В оккупированных областях были разрушены формы старой государственности при одновременном сохранении ее диктаторского существа. Суть советского

¹⁵ Автор приводит в пример село Кличево Бобруйской области и Локотский округ. В Кличеве семья уголовников Пашенных (отец с двумя сыновьями) вернулись в село как доверенные лица немцев. Отец при советской власти сидел за грабёж и убийство соседа, но немцам сказал, что он борец с советской властью. Эта семья стремилась обеспечить только свое благополучие. В конечном счёте немцы расстреляли семью за насилие над крестьянами. В Локте в начале войны появился инженер Воскобойник, который ещё до революции был членом партии эсеров. При советской власти он просидел много лет в тюрьме. В Локте осуществил социологический опыт, идею которого Воскобойник изобрёл в тюрьме. Создание административной структуры он поставил в зависимость от самостоятельности населения. Он был сильным и свободолюбивым человеком. Внедрил в население округа мысль о том, что Локотский округ призван сыграть историческую роль как прообраз будущей антибольшевистской России. Он считал, что у русских есть две возможности получить свободную Россию: вначале победа немцев, затем изгнание немцев из России и создание нового российского государства; поражение немцев от большевизма, временное усиление большевизма, новые его столкновения с внешним миром и собственным народом и окончательное разрушение большевизма. Воскобойник постоянно усиливал демократичность в строительстве местных органов власти. Опыт Воскобойника привлёк внимание Москвы. В нем увидели большую опасность. Советские десантники его убили. После этого округ пошёл по пути, продиктованному немцами. И вылился в совершенно противоположное тому, что предлагал Воскобойник. Округ стал местом формирования бригады Каминского. Но этот опыт интересен с точки зрения поиска новых форм государственного режима. Здесь тоже чётко проступает стремление к демократическому устройству жизни и государственного правления. «Именно такого рода попытки типичны для всех мест, где подсоветские люди получали возможность осуществить свое стремление в формировании органов власти, а это как нельзя лучше говорит о том инстинкте, который руководил в это время русскими» [Под немцами... 2011: 158]. О Локотском округе существует значительный массив литературы, которая может быть предметом анализа как собственно феномена оккупации, так и проблемы барьеров, которые ставила советская власть самоуправлению населения.

стройка — подавление стремления к свободе. Это вызывает незримую, но постоянную борьбу правительства с народом, в котором организованная сила государства побеждает неорганизованную силу народа. Гитлеризм — это откровенная форма подавления воли своего народа и закабаления чужих народов. Сходство гитлеризма и большевизма поразительно. Активность народа при гитлеризме и большевизме сводится к минимуму, ведёт к пополнению концлагерей и повышению числа жертв режима. Однако это не уменьшает инстинктивного стремления народа к свободе. Всякое изменение отношения внутренних сил в России неизменно поставит во главу угла проблему свободы для народа. Но поиски ее решения будут мучительно трудными для России, поскольку понятие свободы для русского народа стало отвлечённым, лишённым реальных очертаний. Организующая идея для России — свобода от большевизма [Там же: 163].

Формирование «третьей силы»

Во время оккупации эта свобода в наибольшей степени проявилась в сфере религии. Отношение немцев к религии определялось формулой «дружественного нейтралитета»: немцы предоставили религии и церкви свободу жить или умирать и не интересовались ею. Тем самым во время оккупации впервые на протяжении русской истории религиозные чувства были предоставлены самим себе. Возник стихийный религиозный подъем.

Многие русские люди ненавидели большевиков и советскую власть, но одновременно не хотели быть орудием в руках завоевателей. Русская национальная общественность объединялась вокруг православных священников. В сборнике рассматривается деятельность отца Иоанна, который до войны был репрессирован большевиками. Вокруг него сформировалась группа из лиц разного социального происхождения, которая весной 1942 г. выработала свой диагноз ситуации. Данный диагноз фиксирует своеобразие политической мысли и действия оккупированного населения.

Согласно диагнозу, наилучший исход советско-германской войны состоит в том, чтобы немцы успели разгромить Сталина раньше, чем союзники раздавят Германию. Такая вероятность весной 1942 г. казалась большой. С этой точки зрения была желательна быстрая победа немцев над Сталиным и медленное развитие событий на западе. Медленные действия союзников и вступление Японии в войну против СССР расценивались положительно, а немецкая политическая близорукость — отрицательно. После поражения немцев под Москвой возникла надежда, что немцы поумнеют и обратятся за помощью к русскому народу. С этой точки зрения считалась выгодной поддержка немцев и создание русской национальной армии из военнопленных и перебежчиков. Опасным и вредным считалось засилье коммунистов в организованных немцами русских учреждениях и зарождающееся при помощи советских парашютистов партизанское движение.

Участники группы полагали, что тактика работающих у немцев коммунистов сводится к вредительству, провокации и физическому уничтожению русских антибольшевиков. Это достигалось путём шпионажа в пользу Советов, дезорганизации городской и деревенской жизни, притеснения жителей и ложных доносов. Коммунисты больше всего боялись дружественных отношений между немцами и местным населением. Тактика советских парашютистов переплеталась с тактикой коммунистов и находилась под руководством Кремля. Парашютисты с помощью провокаций стремились вызвать репрессии со стороны немцев по отношению к населению: стреляли ночью по немецким грузовикам, подбрасывали на улицы изуродованные трупы германских солдат и т. п. Немцы не понимали доброжелательного отношения к ним со стороны массы населения, которое вместе с немцами хотело бороться с советами, а также опасности со стороны действующих за их спиной коммунистов, парашютистов, партизан, шпионов и провокаторов.

Поэтому члены группы единогласно считали Православную Церковь единственно надёжным местом пристанища для народа. Церковные люди не заражены коммунизмом, немцы относятся к церкви благосклонно, местные большевики не обращают пока на нее никакого внимания. Поэтому лишь вокруг Церкви можно организовать национальную работу, найти нужных людей, взаимно поддержать друг друга и при необходимости общими усилиями оказать сопротивление любому противнику [Там же: 64–65].

На основе такого диагноза группа выработала тактику:

Организовать в городе церковное учреждение (в котором должны быть только свои люди), чтобы в официальных сношениях с немецкими властями иметь права юридического лица. Поручить учреждению заняться ремонтом храмов и организацией новых приходов в городе и деревне. Войти в сношения с активными и антисоветски настроенными представителями всех вероисповеданий и содействовать им в развитии аналогичной деятельности. С разрешения власти начать добровольный сбор денег на ремонт храмов. Сборщикам денег поручить наблюдение за всем, что делается в районе и городе, поиск и привлечение к работе единомышленников. Использовать церковь для противодействия большевистской провокации. Отстаивать перед немцами каждого человека (обвинённого или незаконно арестованного русской полицией) и каждую деревню, назначенную к сожжению. Искать пути общения с немецкими военными учреждениями и влиятельными лицами из командования для разъяснения им роковых политических ошибок германского управления на занятой территории. При этом в первую очередь настаивать на удалении от власти всех бывших коммунистов. Послать «куда-нибудь повыше» докладные записки: об организации русской антибольшевистской армии; о роспуске колхозов; об укомплектовании полиции людьми, облечёнными общественным доверием; об организации крестьянской самообороны для борьбы с партизанами. Не дожидаясь немецкого разрешения на отряды самообороны, организовать в деревнях систему взаимоподдержки для отпора парашютистам и партизанам. В каждом отряде иметь нелегально оружие. Направить в близлежащие лагеря военнопленных священника для совершения богослужений и выяснения на месте возможности облегчить положение находящихся там людей. Распределить между членами группы обязанности по реализации всех указанных мероприятий [Там же: 66–67].

Вывод русской общественности после разгрома немцев под Москвой был таким: немцы и большевики в смертельной схватке между собой подминают под себя города, нации и даже части света; однако при немецкой оккупации России возникли миллионы единомышленников, образующих независимую, национально мыслящую третью силу. Термин был взят из популярной в то время формулы: «Ни немцы, ни большевики, а третья сила». Эта идея была синонимом действия и борьбы.

Весной и летом 1942 г. группа под руководством священника следила за тем, кто надеется больше глупостей — «гениальный» Гитлер или «мудрейший» Сталин, ибо от этого зависела ее судьба. У немецкого фельдкоменданта группа узнала, что нацистская партия выступала «за», а вермахт «против» использования бывших коммунистов в управлении занятой территорией. Деревни были вынуждены защищаться одновременно от партизан и от карателей. Обе стороны были жестоки. От безысходности жители деревень переселялись в город и добровольно записывались на работу в Германию.

Можно ли считать нормой православного коллаборационизма перечисленные элементы поведения и политического мышления? Если «да», то входят ли они в состав современного православия в России? Вопрос требует дополнительных исследований с учётом разнообразия церквей в рамках православной религии в социально-исторических условиях оккупации Германией других православных стран (Румынии, Болгарии, части Югославии).

Выводы

Советская оккупация Восточной Польши, Бессарабии и Прибалтики в соответствии с договором между Сталиным и Гитлером стала подготовительным периодом нацистской оккупации¹⁶. Отсюда вытекает, что в оккупации население СССР вынуждено было делать выбор из двух видов зла. Специфика этого выбора определяет проблематику литературы, посвящённой проблеме коллаборационизма. Обзор тем для дискуссии выглядит следующим образом.

Требуется систематизация преступлений советской власти против своего народа, которые были совершены до и во время советско-нацистской войны и способствовали коллаборационизму. Коллаборационизм — средство борьбы между различными социальными и национальными группами, которая опирается на помощь оккупантов. Нацисты способствовали развитию партизанского движения на оккупированной территории. Выбор национальной идентичности в условиях войны опирается на утилитарные соображения. Немцы не оправдали надежд значительной части населения оккупированных территорий на освобождение от советской власти.

Представители советского партийно-государственного и чекистского аппарата первыми бежали от немцев и первыми пошли служить немцам. Немецкая оккупация началась с «призвания коммунистов на царство». Возникло тождество между гражданской немецкой властью и НКВД.

Взаимоотношение между немцами и населением на протяжении фаз оккупации менялось от дружбы до вражды. Взаимозависимость между русскими и немецкими учреждениями колебалась под влиянием личных отношений. Немцы в массе оказались взяточниками. В число деталей оккупации входит положение местной промышленности, продовольствия, рынка, образования, медицины и церкви, и специфические показатели благополучия жизни при оккупантах. Коммунисты при оккупации пострадали меньше остального населения.

Первые годы войны с Германией могут служить критерием для суждения о государственном инстинкте населения России. Именно тогда проявился в чистом виде русский политический и национальный инстинкт, который действовал в условиях полного отсутствия политической и общественной организации. Большинство народа осознало, что сталинское государство существует за счёт грабежа народа, а также свое право вернуть себе награбленное государством.

Гражданская администрация была пёстрой, поскольку население инстинктивно стремилось к созданию демократических органов власти. Демократическая тенденция переплеталась с социалистической, что выразилось в различных видах государственного творчества. В оккупации была сохранена суть советского строя. Это объясняется сходством нацизма и большевизма в управлении массами. Оккупационный государственный строй был приспособлен для военных нужд Германии и почти буквально повторял советскую власть.

Во время оккупации возник стихийный религиозный подъём, который выразился в синтезе народной религиозности с политической мыслью и действием. Этот синтез был направлен одновременно против советской и нацистской власти.

Александров К.М. 2011. От автора-составителя. — *Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник.* — СПб.: Скрипториум.

Александров К.М. 2005. *Русские солдаты Вермахта. Сб. статей и материалов.* — М.

¹⁶ Такой подход реализован в книгах [Piasecki 2003; (Две) стороны... 2013].

- Болтански Л., Тевено Л. 2013. *Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Будницкий О.В. 2013. *Одесса в период румынской оккупации (1941–1944)*. — Одесса: *жизнь в оккупации. 1941–1944*. — М.: Политическая энциклопедия.
- (Две) стороны... 2013. *(Две) стороны: латышские военные рассказы. Вторая мировая война в солдатских дневниках*. — Рига, Mansards.
- История России... 2009. *История России. XX век: 1939–2007*. — М.: Астрель: АСТ.
- Ковалев Б.Н. 2004. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России: 1941–1944*. — М.
- Крестовый поход... 2005. *Крестовый поход на Россию: Сборник статей*. — М.: Яуза.
- Мединский В.Р. 2014. *Война. Мифы СССР. 1939–1945*. — М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Одесса... 2013. *Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944*. — М.: Политическая энциклопедия.
- Пивоваров Ю.С. 2014. *Русское настоящее и советское прошлое*. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга.
- Под немцами... 2011. *Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник*. — СПб, Скрипториум.
- Ролз Д. 1995. *Теория справедливости*. — Новосибирск: Изд. Новосибирского ун-та.
- Семиряга М.И. 2000. *Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны*. — М.: РОССПЭН.
- Соколов Б.В. 2002. *Оккупация*. — М.
- Солженицын А.И. 2015. *В круге первом: роман*. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттокус.
- Щеров И.П. 2006. *Партизаны: организация, методы и последствия борьбы (1941–1945)*. — Смоленск.
- Эренбург И.И. 2011. *Я видела детство и юность XX века*. — М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат.
- Piasecki S. 2003. *Zapiski oficera Armii Czerwonej (od 17 wrzesnia 1939 r.)*. — Warszawa: Wyd. LTW.